

*На правах рукописи*



**БАЙРОН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ**

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ В РУССКОЙ  
РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX В. (Б. Н. ЧИЧЕРИН,  
К. П. ПОБЕДНОСЦЕВ, В. Д. КУДРЯВЦЕВ-ПЛАТОНОВ)**

**Специальность 09.00.14  
Философия религии и религиоведение**

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание учёной степени  
кандидата философских наук

Санкт-Петербург 2021

Работа выполнена на кафедре философии Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина»

**Научный руководитель**

**Григоренко Анатолий Юрьевич**,  
доктор философских наук, доцент,  
Государственное автономное  
образовательное учреждение высшего  
образования Ленинградской области  
«Ленинградский государственный  
университет имени А. С. Пушкина»,  
профессор кафедры философии

**Официальные оппоненты:**

**Малинов Алексей Валерьевич**,  
доктор философских наук, профессор,  
профессор кафедры русской философии  
и культуры Федерального  
государственного бюджетного  
образовательного учреждения высшего  
образования «Санкт-Петербургский  
государственный университет»  
(г. Санкт-Петербург)

**Головушкин Дмитрий Александрович**,  
доктор философских наук, доцент,  
доцент кафедры истории религий и  
теологии Федерального  
государственного бюджетного  
образовательного учреждения высшего  
образования «Российский  
государственный педагогический  
университет имени А. И. Герцена»  
(г. Санкт-Петербург)

**Ведущая организация:**

Федеральное государственное  
бюджетное учреждение науки «Институт  
философии Российской Академии наук»

Защита состоится 9 июня 2021 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 800.009.01 при Государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» по адресу: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина и на официальном сайте университета по адресу: <https://lengu.ru/dissertation/67>.

Автореферат разослан «\_\_\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2021 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета

Т. С. Пронина

## I. Общая характеристика работы

**Актуальность темы исследования.** В современных условиях господствующего в мире идейного плюрализма, отсутствия какого-либо общепризнанного круга взглядов, которые могли бы объединять людей, происходит размывание и девальвация ценностей, являющихся основой сохранения и благополучного существования общества. В данной ситуации возрастает роль двух главнейших ориентиров понимания действительности – религии и науки, основывающихся соответственно на религиозной вере и научном знании. Именно к ним в первую очередь устремлено внимание человечества в поисках выхода из сложившегося глобального кризиса. Вместе с тем многие вопросы, касающиеся соотношения роли названных феноменов в жизни общества, не имеют на сегодняшний день однозначного решения.

Проблема взаимоотношения веры и знания во все времена являлась значимой для человека, как с точки зрения познания, так и в свете задач практических, так как она очень важна в «мироориентации» людей. Ее решение имеет значение для каждой отдельной личности и для определения идейных основ жизни социума, что становится чрезвычайно важным в периоды духовного кризиса. В частности, применительно к российской действительности данная проблема приобретает особую актуальность на фоне недавних дискуссий о включении упоминания о Боге в текст Конституции РФ, о возможности присутствия церковных структур в пространстве светской школы, о месте теологии в системе высшего образования в Российской Федерации.

Проблема соотношения веры и знания широко обсуждалась и в русской религиозной философии конца XIX в. В настоящем исследовании предметом рассмотрения станет соотношение веры и знания в рамках философских воззрений Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова. Главная причина, обуславливающая сегодня своевременность обращения именно к их идеям, состоит в том, что все они представляют малоизвестную и малоисследованную традицию в русской религиозной философии. Эта традиция противостоит другому, гораздо более известному и изученному направлению, представленному В. С. Соловьёвым и позднейшими крупными философами, в той или иной мере являвшимися его последователями (С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др.). Представители данного направления придавали весьма умеренное значение дискурсивному мышлению, формальной логике в сфере гносеологии, отдавая предпочтение диалектическому методу. В противовес этому, Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев, В. Д. Кудрявцев-Платонов признают основополагающее

значение рациональности, формальной логики в познании, признавая её «органом» постижения действительности, основой, на которой только и может быть построена философия, и, таким образом, представляют в отечественном любомудрии другую, совершенно самостоятельную и полноправную традицию.

**Степень научной разработанности проблемы.** Соотношение веры и знания у Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова до настоящего времени не было предметом философского исследования. Однако в трудах исследователей неоднократно рассматривались как сама проблема веры и знания, так и философское творчество данных мыслителей.

Проблема соотношения веры и знания, как одна из главнейших проблем философии, неизменно присутствует в ней в течение многих столетий. Восходя своими корнями к античности (Платон, Аристотель), она является одной из основных тем обсуждения в патристике (Климент Александрийский, Августин, восточные отцы Церкви) и схоластике (Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский), играет существенную роль в концепциях классического рационализма (Р. Декарт, Г. Лейбниц), немецкого идеализма (И. Кант, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель), неокантианства (Г. Коген, Г. Риккерт). Она вызывает большой интерес и в отечественной философии (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, П. А. Бакунин, Л. М. Лопатин, В. И. Несмелов, В. С. Соловьёв и др.), в том числе в русской религиозной философии конца XIX в.

Проблему соотношения веры и знания в целом рассматривают такие современные российские исследователи, как В. А. Лекторский, В. С. Швырёв, А. Ф. Иванов, Г. С. Киселёв, Л. А. Микешина, М. О. Шахов, А. Л. Новиков, С. А. Смирнов, Л. П. Сидорова, Е. А. Евстифеева, А. А. Черноиваненко, Д. В. Пивоваров, В. П. Лега, А. Н. Лукин, С. С. Домрачёв, С. А. Нижников. Среди зарубежных авторов ей уделяют внимание Дж. и О. Хаксли, И. Барбур, Ч. Талиаферро, А. Пикок, Дж. Х. Брук, П. Вайнгартнер, С. Вшолек.

Вопросы взаимодействия феноменов веры и знания, религиозной веры и научного знания в жизни современного социума являются предметом разбора в трудах современных учёных-религиоведов, таких, как Д. М. Угринович, Л. Н. Митрохин, В. И. Гараджа, И. Н. Яблоков, Е. Г. Балагушкин, М. Ю. Смирнов и других.

Что касается осмысления в трудах исследователей наследия отечественных религиозных мыслителей рассматриваемого периода, то надлежит отметить неизменное присутствие на протяжении последних тридцати лет довольно высокого интереса к русской религиозной философии в целом. В подтверждение данного тезиса надлежит назвать монографии М. А. Маслина, А. А. Ермичёва, А. Ф. Замалеева, Н. В. Мотрошиловой,

Е. Н. Некрасовой, Г. С. Киселёва, К. М. Антонова, Л. Е. Шапошникова, С. А. Нижникова, В. Н. Акулинина, П. П. Гайденко, К. В. Фараджева, А. А. Лагунова, Н. С. Семёнкина, П. А. Сапронова, Е. Ю. Положенковой, Я. В. Бондарёвой, а также работы таких авторов, как Н. П. Полторацкий, А. Т. Павлов, Е. В. Барабанов, А. И. Абрамов, С. С. Хоружий и других. На русскую религиозную философию обращают внимание не только российские, но и зарубежные исследователи, к примеру, В. Гёрдт, Х. Даам, Дж. Клайн, Дж. Саттон, Ф. Коплстон, А. Валицкий.

Воззрения большей части известных представителей русской религиозной философии по проблеме соотношения веры и знания на сегодняшний день являются достаточно исследованными. В наибольшей степени освещены в научной литературе соответствующие идеи В. С. Соловьёва и П. А. Флоренского. Осмысление данной проблемы в философии таких последователей Соловьёва, как С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, рассмотрено в диссертации И. А. Чернозитовой. Тема веры и знания у Н. А. Бердяева исследуется также в работах С. Н. Конторович и Н. В. Блажевича, у С. Л. Франка – в статье В. Зелинского.

Видение соотношения веры и знания у А. И. Введенского рассмотрено в статьях А. В. Романова, В. А. Дудышкина. Интерпретация отмеченной проблемы у русских персоналистов является предметом анализа в статье А. П. Соловьёва. Обзор представлений о соотношении веры и знания у довольно большого числа русских религиозных мыслителей (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. С. Соловьёв, С. Н. и Е. Н. Трубецкие, С. Л. Франк, В. И. Несмелов, А. Ф. Лосев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Н. Лосский) находим в статьях Я. В. Бондарёвой.

Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев и В. Д. Кудрявцев-Платонов относятся к числу тех мыслителей, рассмотрение видения проблемы соотношения веры и знания у которых до настоящего времени не было темой философского исследования.

Основные работы о Б. Н. Чичерине, полностью или отчасти посвящённые его философскому творчеству, - монографии В. Д. Зорькина, Н. М. Аверина, Е. В. Миронова, В. М. Лобеевой, И. И. Евлампиева, Б. В. Емельянова, диссертации Р. Р. Щёковой и А. В. Кирякина, статьи П. В. Тихомирова, Н. Н. Хлебникова, В. Ф. Асмуса, К. М. Антонова, И. А. Кацаповой, Р. Н. Пархоменко, Н. В. Медведева. Также философия Чичерина является предметом рассмотрения у таких авторитетных историков русской философии, как Н. О. Лосский, Б. В. Яковенко, В. В. Зеньковский. Отдельные моменты, связанные с философскими воззрениями Чичерина, присутствуют у Д. И. Чижевского, А. С. Кокорева, Н. Н. Алексева, В. И. Приленского, И. Д. Осипова.

Наименее исследованными из религиозно-философских воззрений рассматриваемых нами мыслителей остаются взгляды К. П. Победоносцева.

Не считая трёх кратких статей Н. Антонова, единственными работами, представляющими собой попытку дать всеобъемлющую картину его общефилософских воззрений, до настоящего времени остаются диссертации А. И. Пешкова и О. С. Суржик. Отдельные сведения, касающиеся формирования и содержания философских взглядов Победоносцева, можно найти в работах таких авторов, как Г. В. Флоровский, Б. В. Яковенко, И. В. Преображенский, М. Гневушев, Б. В. Никольский, Н. Д. Тальберг, С. Л. Фирсов, А. Ю. Полунов, В. В. Ведерников, Р. Бирнс и других.

Религиозной философии В. Д. Кудрявцева-Платонова в целом посвящены монографии П. В. Тихомирова, А. И. Введенского, И. В. Цвык, а также диссертация М. Л. Кабановой. В определённой степени его философия освещается в трудах по истории русской философии Н. О. Лосского, Б. В. Яковенко, В. В. Зеньковского. Отдельные стороны философских воззрений религиозного мыслителя рассматриваются в работах С. В. Пищуна, С. В. Корнилова, В. К. Шохина и других.

Однако во всех сочинениях названных авторов, посвящённых творчеству рассматриваемых мыслителей, в центре внимания оказываются иные философские темы. Проблема же именно соотношения веры и знания у данных мыслителей, включая сравнение их идей между собой, до сих пор не была рассмотрена ни одним из авторов и, следовательно, может выступать в качестве темы диссертационного исследования.

**Объект** диссертационного исследования – *русская религиозно-философская мысль конца XIX в.*

**Предмет** исследования – *соотношение веры и знания в религиозной философии русских мыслителей конца XIX в.*

**Цель диссертационной работы** – *изучение проблемы соотношения веры и знания в творческом наследии русских мыслителей Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова. В задачи* исследования входит:

1) герменевтическая реконструкция в отношении философского наследия Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова, направленная на выявление понимания ими решения проблемы взаимоотношения веры и знания;

2) сопоставление подходов к решению проблемы соотношения веры и знания у рассматриваемых мыслителей, нахождение в них общего и особенного;

3) выявление и анализ идейных истоков воззрений отечественных мыслителей конца XIX в. на проблему соотношения веры и знания в контексте их преемственности и творческого развития;

4) теоретический анализ проблемы соотношения веры и знания: номинативно-классификационные процедуры вокруг центральных понятий, отношений, исследовательских подходов, способствующие достижению

понимания данного аспекта философского наследия Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова.

**Теоретические источники и методологическая основа исследования.** Основными теоретическими источниками диссертации стали сочинения непосредственно самих рассматриваемых мыслителей – Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова. Кроме этого, в качестве источников диссертации использовались сакральные тексты религиозной традиции (Библия), а также тексты как западноевропейских, так и византийских и отечественных философов – Климента Александрийского, Аврелия Августина, Василия Великого, Григория Паламы, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, В. С. Соловьёва и других.

Работа опиралась на исследования историков русской философской мысли – В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского, Б. В. Яковенко и других; кроме этого, использовались труды, посвящённые философскому творчеству Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова – работы К. М. Антонова, Б. В. Емельянова, Е. В. Миронова, А. И. Пешкова, А. Ю. Полунова, С. В. Пишуна, С. В. Корнилова, В. К. Шохина, И. В. Цвык и других.

Методологическую основу исследования составили системный подход, позволивший реконструировать представления Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова о соотношении веры и знания как элемент системы их философских воззрений, и междисциплинарный подход, с помощью которого удалось с максимальной полнотой раскрыть решение ими данной проблемы.

Сложность рассматриваемой проблемы обуславливает применение различных методов для её исследования. При написании данной работы использовались теоретические методы: контент-анализ источников (формулировка и описание взглядов рассматриваемых мыслителей, имеющих отношение к решению ими проблемы соотношения веры и знания), метод сравнительного анализа (сравнение и сопоставление различных позиций по проблеме веры и знания, а также взглядов рассматриваемых философов), историко-генетический метод (прояснение исторических предпосылок формирования взглядов рассматриваемых мыслителей по проблеме веры и знания), историко-логический метод (прояснение закономерности происхождения интерпретаций, которые у рассматриваемых мыслителей имеют понятия веры и знания), биографический (исследование влияния, которое события жизни этих философов оказали на формирование их взглядов) и герменевтический (реконструкция воззрений на проблему веры и знания непосредственно у рассматриваемых мыслителей).

### **Научная новизна диссертационного исследования:**

1) воззрения Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова на проблему соотношения веры и знания впервые избраны предметом отдельного философского исследования, осуществлён их сопоставительный анализ. Уточнены основные идейно-теоретические истоки философских концепций Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова о соотношении веры и знания;

2) впервые на основе всестороннего изучения источников проведена комплексная герменевтическая реконструкция подходов Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова к проблеме соотношения религиозной веры с научным знанием и её решению – выявлены различия в этих подходах и специфика интерпретации гносеологической и хронологической последовательности веры и научного знания в познавательной деятельности;

3) установлено, что оригинальность интерпретации идеи «гармонии» веры и знания Б. Н. Чичериным, К. П. Победоносцевым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым состоит в сближении на основе разума форм постижения трансцендентного (рациональной и внерациональной);

4) конкретизировано философское определение понятий веры и знания, дана их классификация; конкретизировано значение понятий рассматриваемых разновидностей веры и знания – религиозной веры и научного знания, предложена классификация философских подходов к проблеме соотношения веры и знания, основанная на разделяемой Б. Н. Чичериным, К. П. Победоносцевым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым концептуальной позиции их «гармонии» как единства на базе рационального мышления.

### **Основные положения, выносимые на защиту:**

1. Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев, В. Д. Кудрявцев-Платонов, отводя существенное значение религиозной вере, говорят о необходимости её опоры на рациональное, философское знание. Наилучшим вариантом решения проблемы соотношения веры и знания русские религиозные философы считают достижение «гармонии» данных феноменов на основе разума, логического мышления. Знание осмысливается ими как основа веры, вера же предстаёт как находящийся в неразрывном единстве с этим знанием внерациональный религиозный опыт, состоящий в переживании взаимодействия с трансцендентным. Можно утверждать, что рассматриваемым религиозным мыслителям удалось строго обосновать «гармонию» веры и знания, поскольку ими обнаруживается существование «соединяющего звена» между этими феноменами. Таковым, по мысли философов, является интеллект, рациональное мышление.

2. Особенностью решения проблемы веры и знания у каждого из мыслителей может быть названа своеобразная интерпретация «места» и роли



веры, как религиозного мистического опыта, в процессе познания трансцендентной реальности. Если с точки зрения Б. Н. Чичерина рациональное знание о предметах этой реальности необходимо предшествует обретению религиозной веры, то К. П. Победоносцев допускает и «параллельное» возникновение знания и веры, не устанавливая между ними строгой последовательности; В. Д. Кудрявцев-Платонов же рассматривает религиозную веру как непереносимое условие возможности относящегося к её предметам знания.

3. Главными идейными истоками представлений Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова о «гармонии» религиозной веры и научного знания выступают труды разделявших данный подход представителей западной мысли, а также византийских отцов Церкви и некоторых их русских последователей. Идеи о гармонической взаимосвязи и взаимодополнительности веры и знания русских религиозных философов конца XIX века складывались при непосредственном влиянии учений раннехристианских богословов (Климента Александрийского, Августина Блаженного), византийских отцов Церкви (Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Григория Паламы), представителей западной схоластики (Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский), классического рационализма (Р. Декарт, Г. Лейбниц), немецкой классической философии (Г. В. Ф. Гегель) и отечественных предшественников (И. В. Киреевский, Ф. А. Голубинский). С другой стороны, на формирование их воззрений оказали косвенное воздействие и приверженцы иных отмеченных подходов к решению проблемы веры и знания – прежде всего их противопоставления, а также, в определённой степени, теории независимого существования веры и знания, чьи произведения и идеи стали «вызовом» для тех, кто отстаивал их «гармонию». Свою роль в становлении представлений о «гармонии» веры и знания у этих мыслителей конца XIX в. поэтому сыграли и представители иных концепций, прежде всего из числа тех, чьи идеи непосредственно предшествовали им по времени (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Л. Фейербах, О. Конт, А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, С. Кьеркегор, А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв, С. Н. Трубецкой).

4. На основании изучения творческого наследия Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова можно заключить, что религиозная вера и научное знание могут, вопреки распространённому мнению, являться взаимодополняющими факторами, способствующими достижению внутренней цельности личности. Научное знание, основанное на логической рациональности, может находиться в «гармоническом» сочетании с религиозной верой, представляющей собой особый внерациональный опыт единения с абсолютным первоначалом мира, что может способствовать, с одной стороны, обретению «душевного равновесия», устранению «внутреннего разлада» в личности учёного, с

другой стороны, преодолению конфликтных ситуаций в общественном сознании, препятствующих «мирному сосуществованию» научных и религиозных институтов в современном социуме.

**Теоретическая значимость диссертационного исследования.** Результаты исследования могут, во-первых, иметь значение для прояснения как непосредственно самих понятий веры и знания и их соотношения, так и тесно связанных с ними психологических, этических и иных аспектов данных феноменов; во-вторых, вносят вклад в исследование русской религиозно-философской мысли, взглядов тех её представителей, чьим воззрениям посвящена работа.

**Практическая значимость диссертационного исследования.** Основные результаты и выводы исследования могут быть использованы в научно-исследовательской и образовательной работе. Его материалы применимы для разработки учебных курсов по истории и философии религии, истории русской философии, теории познания, религиоведению.

**Апробация результатов исследования.** Положения и выводы диссертации получили апробацию на международных научных конференциях: «Царскосельские чтения» (2017, 2018, 2019 г., С.-Петербург), «Религиозная ситуация на Северо-Западе: ткань традиции и вектор конфессиональной эволюции» (2017 г., С.-Петербург), «Русский Логос» (2017 г., С.-Петербург), «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» (2017 и 2018 г., С.-Петербург), «Смыслы жизни российской интеллигенции» (2018 г., Москва), «Религия и коммуникация» (2019 г., Минск), на межвузовской научно-практической конференции «Гуманитарные основы инженерного образования» (18 мая 2017 и 2018 г., С.-Петербург), на научных семинарах кафедры философии ЛГУ им. А. С. Пушкина. Результаты исследования использовались в преподавании философских дисциплин, основные положения диссертации отражены в 11 авторских публикациях в научных изданиях, в том числе из списка ВАК.

**Структура диссертации.** Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка литературы.

## **II. Основное содержание работы**

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяется объект и предмет, ставятся цель и задачи исследования, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «**Соотношение веры и знания как проблема философии**» – посвящена теоретическому анализу самой проблемы соотношения веры и знания, осуществлению номинативно-

классификационных процедур вокруг центральных понятий, отношений, исследовательских подходов.

В первом параграфе – *«Определение и классификация понятий веры и знания»* – даётся определение и приводится классификация существующих значений понятий веры и знания как основных феноменов, рассматриваемых в работе. На основе анализа имеющихся дефиниций и трактовок веры и знания автор приводит собственные, согласно которым вера есть убеждённость в чём-либо, существующая независимо от рациональных и (или) эмпирических доказательств, а знание, как противоположность веры, есть убеждённость, основанная на логической и (или) эмпирической очевидности.

Как вера, так и знание находят своё отражение в большом «спектре» значений понятий: обыденное, научное, философское, религиозное, а также могут быть классифицированы по количественному признаку – на индивидуальную (-ое) и коллективную (-ое). Кроме этого, важным в рамках темы диссертационного исследования предстаёт то, что вера может рассматриваться не только как волевой акт принятия какого-либо воззрения или как интеллектуальное убеждение, но и как непосредственное чувство.

Особое внимание в рамках диссертационного исследования уделяется таким видам веры и знания, как религиозная вера и научное знание.

Научное знание со времён позитивистов понимается как знание, относящееся к эмпирической действительности и достигаемое прежде всего посредством эмпирических же, индуктивных методов. Оно представляет собой сложную развивающуюся систему, в которой по мере эволюции возникают всё новые уровни организации. Научное знание не является абсолютным, ведь его особенностью является «привязка» к эмпирическому опыту, к реальности, постоянно изменяющейся, из чего следует, во-первых, его принципиальная дополняемость, опровержимость; во-вторых, его ограниченность своей же собственной областью. Его предметом является лишь часть действительности, поэтому оно не может, как считали последователи сциентизма, считаться универсальным, способным дать ответы на все возникающие у человека об устройстве мироздания вопросы, в полной мере удовлетворить его потребность в познании.

Религиозная вера связана с убеждением в реальности сверхъестественного, она имеет два основных аспекта: объективный (теоретический) и субъективный (связанный с эмоциональной сферой). Первый из этих аспектов выражает её «интеллектуальную», рациональную сторону, связанную с наличием в любой религии «теоретического» компонента (свод положений, которые последователь данной религии принимает в качестве истинных); второй предполагает понимание её как религиозного мистического опыта, переживания взаимодействия со сверхъестественным. Последнему из названных аспектов особое внимание

уделяется в традиционном восточно-христианском богословии, что связано, в том числе, с имевшим место в XIV в. спором Григория Паламы и Варлаама Каллабрийского о природе благодати, в результате которого победила точка зрения Паламы, обосновавшего существование нетварных божественных энергий и, как следствие, возможность действительного мистического единения верующего с божеством.

Предметом рассмотрения в диссертационном исследовании выступает соотношение религиозной веры с научным знанием, поскольку именно эти виды веры и знания являются предметом философской рефлексии в трудах Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова<sup>1</sup>. При этом религиозная вера понимается во втором из названных выше аспектов – в значении религиозного мистического опыта, определяемого как непосредственное переживание взаимодействия субъекта со сверхъестественным. Именно в данной интерпретации религиозной веры она с научным знанием выступают как противоположные, непересекающиеся понятия, что означает наличие проблемы их соотношения.

Во втором параграфе – «*Основные подходы к соотношению веры и знания*» – рассматриваются три основных подхода к соотношению религиозной веры и научного знания, существующие в философии и религиоведении: противопоставление веры и знания, теория независимого существования веры и знания, «гармония» веры и знания.

Противопоставление научного знания и веры, как мистического опыта, означает трактовку этого опыта как однозначно или с большой степенью вероятности ложного, иллюзорного и было в истории философии характерно для приверженцев материалистических концепций (Д. Бруно, Т. Гоббс, Ж. О. де Ламетри, К. Гельвеций, Д. Дидро, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев), для тех, которые занимали агностическую позицию в познании сверхчувственного мира (М. Монтень, Д. Юм, И. Кант, О. Конт, Г. Спенсер), а также для тех из верующих философов, которые разделяли позицию Варлаама Каллабрийского или являлись последователями деизма (Г. Черберри, Д. Локк, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищев).

Скептическое отношение к мистике, как составляющему элементу религии, начинает широко утверждаться в философии в эпоху Просвещения. Наиболее значимым деятелем в этот период, с которым связано утверждение

---

<sup>1</sup> При этом необходимо отметить, что рассматриваемые мыслители не делали строгого разграничения между научным и философским знанием; высшей наукой, «наукой наук» для них являлась именно философия. Жёсткое разграничение науки и философии восходит, как известно, к «закону трёх стадий» О. Конта и получает своё развитие в позитивизме; философы же, о которых в настоящей работе идёт речь, в своём творчестве ведут целенаправленную критику этого направления. Поэтому позитивистское отделение науки от философии не могло быть ими принято. См.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 85; Победоносцев К. П. Вопросы жизни // Победоносцев К. П. Сочинения / вступ. ст. и прим. А. И. Пешкова. СПб, 1996. С. 195; Кудрявцев-Платонов В. Д. Что такое философия? // Сочинения в 3-х т. Т. 1. Исследования по введению в философию и по гносеологии. Серг. Посад, 1893. Вып. 1. С. 33.

данного воззрения, можно признать И. Канта, занимавшего позицию агностицизма в вопросе о бытии, находящемся за пределами опыта.

Среди современных представителей атеизма информация о религиозном мистическом опыте часто вызывает или «скептически-насмешливое» отношение (Р. Докинз), или попытки «естественного», редуционистского объяснения (С. Харрис); при этом главная предпосылка такого объяснения состоит в отрицании бытия той реальности, которая в представлении верующего является непосредственным предметом данного опыта. Однако ещё в начале XX в. швейцарским психологом Т. Флурнуа был предложен принцип «исключения трансцендентного». Согласно данному принципу, наука о религии в изучении своего предмета «выносит за скобки» вопрос о его трансцендентной основе, но вовсе не разрешает его в отрицательном смысле, оставляя его решение философии или теологии.

Второй подход к проблеме веры и знания означает такое соотношение их в познании, при котором они являются двумя независимыми путями постижения действительности, никак не связанными друг с другом.

Установка на независимость веры от рационального знания в христианстве восходит ещё к Тертуллиану. В Средние века её разделял такой мыслитель, как Бернар Клервосский, в Новое время – Б. Паскаль. В русской религиозной философии видными сторонниками данного подхода к соотношению веры и знания выступают С. А. Булгаков и П. А. Флоренский. В религиоведении одна из наиболее «всеобъемлющих» концепций религиозного опыта, включающая представление о его независимости от рационального знания, была связана с именем У. Джеймса. Среди современных защитников идеи независимого существования веры и знания может быть назван, к примеру, А. И. Осипов.

Третий подход, в рамках которого признаётся «гармония» религиозной веры и научного знания, состоит в таком видении их соотношения, при котором они представляют собой две взаимосвязанные и взаимодополнительные стороны единого процесса познания.

Исходя из того, что понятие «гармония» имеет своё основное употребление в сфере музыки, означая такое сочетание звуков, которое вызывает у слушающего ощущение соразмерности, «стройности» (т. е. важным является наличие субъективного ощущения «гармоничности»), автор признаёт логичным учёт присутствия внутренней интеллектуальной удовлетворённости и для конкретизации понятия «гармония» применительно к феноменам веры и знания. По его убеждению, в основе данной «гармонии» должна лежать логическая рациональность, строгое соблюдение четырёх общеизвестных законов формальной логики, т. к. иное объяснение соотношения между знанием и верой далеко не всегда вызывает оказывается убедительным для того, кому оно предлагается.

Представления о необходимости согласованности веры (в значении мистического опыта) с разумом, рациональным мышлением обнаруживаются в философии начиная с первых веков христианства. Они присутствуют как в западной патристике (Климент Александрийский, Августин), так и у восточных отцов церкви (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Палама), у представителей схоластики (Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский), классического рационализма (Г. Лейбниц), славянофильства (И. В. Киреевский), русской духовно-академической философии (Ф. А. Голубинский). В позднейшее время защитники данной идеи также обнаруживаются среди как западных (А. Бергсон), так и отечественных (Е. Трубецкой) философов. В религиоведении сторонником признания неоспоримого значения рационального момента в религии является Р. Отто. Среди современных исследователей необходимость опоры мистического опыта на логическую рациональность обосновывают Б. С. Бакулин, Г. Г. Хубулава, Л. И. Василенко и другие.

Если первые два из выделенных подходов к проблеме веры и знания представляются конфликтными моделями их соотношения, то третья видится выражением стремления к диалогу. Именно «гармония» между верой и знанием может считаться полноценным вариантом решения данной проблемы, поскольку она, при условии последовательного осуществления, может способствовать устранению «конфликтности» веры и знания, которая присуща двум остальным подходам.

Во второй главе – **«Идейные истоки воззрений Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова на проблему соотношения веры и знания»** – осуществляется выявление и анализ формирования воззрений отечественных мыслителей конца XIX в. на проблему соотношения веры и знания в контексте их преемственности и творческого развития. При этом представители двух первых подходов к соотношению веры и знания рассматриваются как те, чьи концепции послужили идейным «вызовом» для Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова, а мыслители, защищавшие «гармонию» между верой и знанием, – как их непосредственные предшественники.

В первом параграфе **«Решение проблемы веры и знания в западной философии и его воздействие на формирование идей русских религиозных мыслителей»** обосновывается мысль о том, что становление взглядов русских религиозных философов на проблему веры и знания происходит под влиянием западноевропейской традиции.

Идеи сторонников противопоставления религиозной веры и научного знания – И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха, О. Конта – вызывают возражения рассматриваемых русских мыслителей. В частности, скептицизм Канта, его мнение о «неправомерности» выхода теоретического разума в

познании за пределы опыта вызывает несогласие и критику со стороны Б. Н. Чичерина и В. Д. Кудрявцева-Платонова. К. П. Победоносцев, также как и Кант, признаёт необходимость бытия предметов религиозной веры безусловной потребностью человеческой души, однако отнюдь не считает, что эта потребность не может быть удовлетворена теоретическим разумом.

Воззрению Г. В. Ф. Гегеля, критикующего позицию Ф. Г. Якоби, понимавшего веру в смысле внерационального мистического опыта, и признающего её только формой опосредованного знания, противостоит трактовка отечественными мыслителями веры именно как непосредственного мистического опыта. Однако в своём стремлении логически обосновать христианские догматы, так же, как и соотнесении высшего, «бесконечного» знания не с эмпирическими науками, а с философией, Гегель выступает не «оппонентом», а, напротив, «единомышленником» рассматриваемых мыслителей.

Критика Б. Н. Чичериним, К. П. Победоносцевым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым материалистических воззрений может считаться их ответом на материализм Л. Фейербаха, а признание ими неразрывной связи веры с объективным знанием – на его мнение о чисто субъективной природе веры.

Основатель позитивизма О. Конт также может быть отнесён к числу «идейных противников» для всех трёх мыслителей, поскольку ими не приемлются и подвергаются критике его положение о необходимой «привязке» всякого возможного знания к эмпирическому опыту, агностицизм по отношению к трансцендентному, его закон «трёх стадий» и связанные с ним жёсткое разграничение и признание «окончательной несовместимости» науки с теологией (частью которой может являться учение о сверхъестественном мистическом опыте) и философией.

В противоположность сторонникам независимого существования веры и знания (Тертуллиан, Бернар Клервосский, Николай Кузанский, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Ф. Г. Якоби, Ф. Д. Э. Шлейермахер, С. Кьеркегор) Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев, В. Д. Кудрявцев-Платонов со всей решительностью защищают роль разума в познании религиозных истин, категорически отвергая принцип «верую, ибо абсурдно». Так, предпочтение рациональному познанию «нерассуждающей» веры вызывает резко негативную оценку Б. Н. Чичерина, считающего такую позицию в отношении догматов религии «прибежищем» людей, не способных справиться с задачей их обоснования. Спокойную убеждённость в том, что основано на разуме, «слепому фанатизму» иррациональной веры противопоставляет и К. П. Победоносцев. В. Д. Кудрявцев-Платонов также выражает критическое отношение к идее независимости религиозного опыта, чувства от мышления, разума, признавая неизбежным следствием принятия таковой идеи в этой сфере ничем не контролируемый произвол субъективности.

Непосредственное отражение в трудах отечественных мыслителей конца XIX в. находят идеи сторонников «гармонии» веры и знания – Климента Александрийского, Августина Блаженного, Ансельма Кентерберийского, Ф. Аквинского, Р. Декарта, Г. Лейбница.

Можно утверждать, что представления отечественных философов о «гармонии» веры и знания, несмотря на всё их своеобразие, складываются в «органическом единстве» с западноевропейской традицией.

Во втором параграфе *«Проблема веры и знания в истории русской мысли в аспекте влияния на идеи Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова»* анализируются воззрения на проблему веры и знания оказавших на них влияние отечественных мыслителей (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв, С. Н. Трубецкой, И. В. Киреевский, Ф. А. Голубинский), а также представителей византийской традиции (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Григорий Палама).

Среди представителей концепции противопоставления веры и знания, послужившей «вызовом» для рассматриваемых мыслителей, в России могут быть названы философы-материалисты: В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев. Хотя суждения российских материалистов о большой ценности науки, знания являются «точкой соприкосновения» их взглядов с воззрениями рассматриваемых мыслителей, для Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова категорически неприемлемо их умаление значения веры, противопоставление её знанию и соответствующая этому материалистическая позиция.

Взгляды отечественных философов, «умеренно» оценивавших возможности разума в познании предметов религиозной веры (А. С. Хомяков, В. С. Соловьёв, С. Н. Трубецкой) также критически воспринимаются рассматриваемыми философами. Ответом на подобное воззрение у славянофила А. С. Хомякова может считаться прежде всего труд Б. Н. Чичерина «Наука и религия», в котором он опровергает данную позицию, приводя логические аргументы в защиту главнейших догматов веры. Впрочем, некоторые идеи А. С. Хомякова всё же были восприняты религиозными мыслителями. Прежде всего это придание большого значения Церкви как хранительнице религиозных истин, разделяемое также Победоносцевым и Кудрявцевым-Платоновым.

Идея В. С. Соловьёва и его последователя С. Н. Трубецкого и вере как о «третьей форме» познания, посредством которого познающий «соприкасается с самим предметом», послужила вызовом прежде всего для Б. Н. Чичерина, написавшего целый труд для опровержения соответствующих взглядов первого из данных философов и имевшего по тому же поводу напряжённую полемику с последним.



В исследовании проблемы соотношения веры и знания в русской религиозной философии необходимо учитывать византийские корни русской христианской мысли. Поэтому перед рассмотрением представлений непосредственно российских мыслителей о «гармонии» веры и знания в диссертации затрагивается вопрос о влиянии на эти представления их византийских предшественников – «вселенских учителей» православия IV в. Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, а также богослова XIV в., автора учения о божественных энергиях Григория Паламы.

Несомненное влияние всех названных мыслителей обнаруживается у Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова. Так, у Б. Н. Чичерина мы находим высказанную Григорием Богословом мысль о божественной сущности разума; К. П. Победоносцев, следуя Василию Великому, определяет веру не только как «убеждение в истине», но и как внерациональный мистический опыт; В. Д. Кудрявцев-Платонов ссылается на пример использования византийскими мыслителями философии для защиты догматов христианства и, как и Иоанн Златоуст, использует сравнение взаимоотношения между корнем и растением для иллюстрации неразрывной связи между верой и знанием. Все эти мыслители могут считаться и продолжателями определённых воззрений Григория Паламы, который был вынужден в споре с Варлаамом Каллабрийским рационально обосновывать саму возможность религиозного мистического опыта, сверхъестественного единения с трансцендентным.

В XIX веке предшественником воззрений рассматриваемых философов по проблеме веры и знания может считаться прежде всего славянофил И. В. Киреевский. Идею данного мыслителя о необходимости «восприятия истины цельной верой», единства всех способностей души в познании, разделяет К. П. Победоносцев. Б. Н. Чичерин развивает поднятую им проблему соотношения божественного и человеческого разума, признавая, что сам разум, мышление как таковое – это и есть абсолютное начало, присутствующее в человеке. У всех рассматриваемых мыслителей мы встречаем и защищаемое Киреевским понимание веры как мистического переживания, опыта.

Влияние на воззрения по проблеме веры и знания В. Д. Кудрявцева-Платонова оказал его учитель прот. Ф. А. Голубинский. Интерпретация последним веры как дорациональной способности «видения» бесконечного, служащей основой для приобретения о нём рационального знания, была воспринята религиозным мыслителем.

Итак, представители отечественной философии убеждены в необходимости единства между верой и знанием. Такое единство они признают идеалом, к которому надлежит стремиться человеку.

В третьей главе «**Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев, В. Д. Кудрявцев-Платонов о проблеме соотношения веры и знания**»

производится герменевтический анализ философского наследия Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова в ракурсе проблемы веры и знания, а также сравнение подходов к решению названной проблемы у данных мыслителей, нахождение в них общего и особенного.

В первом параграфе – «*Б. Н. Чичерин о проблеме веры и знания*» – рассматриваются взгляды на проблему соотношения веры и знания Б. Н. Чичерина.

Знание, строго отождествляемое Чичериным с рациональным знанием, может, согласно выводам мыслителя, в равной мере относиться как к предметам, принадлежащим к области эмпирического опыта, так и к тому, что находится за пределами этого опыта, что подтверждается абсолютным, не подлежащим сомнению значением логических законов. Для обоснования этой идеи он приводит и подробно анализирует принцип «*cogito, ergo sum*» Р. Декарта, который, как им показывается, отражает последнюю непосредственную данность сознания, уже не могущую быть подвергнутой сомнению, благодаря чему мышление с его законами является абсолютным критерием философской истины. О том же, с точки зрения Чичерина, свидетельствует и неизменная «оправдываемость» умозаключений разума фактами действительности.

Вера же, согласно философу, выступает как «явление реального взаимодействия субъекта с абсолютным»<sup>2</sup>, т. е. как мистическое переживание непосредственного соприкосновения с божественным миром. Она есть «внутренняя уверенность, что невидимое Существо, к которому он обращается мысленно, слышит его молитвы и оказывает ему помощь»<sup>3</sup>. Иначе говоря, вера в понимании Чичерина предстаёт как внерациональный опыт приобщения к абсолютному, божеству. Но этот внерациональный опыт предполагает «опору» в рациональном знании, необходимом, согласно мыслителю, для полноты переживания данного опыта.

Далее в диссертации рассматривается рациональная аргументация Чичерина в защиту двух главных догматов христианской религии – о Троице и о Боговоплощении. Констатируется, что мыслитель теоретически обосновал возможность «гармонического» взаимоотношения между рациональным знанием и религиозной верой не только путём анализа самих данных явлений и их соотношения, но и посредством логического обоснования главнейших догматических положений христианства.

Немалое значение для уяснения взглядов Чичерина на проблему веры и знания имеет также рассмотрение его полемики, которую он вёл против мистицизма «Критики отвлечённых начал» В. С. Соловьёва и «Оснований идеализма» С. Н. Трубецкого. Мыслитель усматривает недостаток

---

<sup>2</sup> Чичерин Б.Н. Основания логики и метафизики. М., 1894. С. 348-349.

<sup>3</sup> Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1999. С. 189.

рациональности, логики в позиции своих противников, опровергает разделяемый ими взгляд на природу веры и её отношение к знанию, а именно – понимание ими веры как высшей, «третьей формы» познания, заключающейся в непосредственном единении субъекта познания с его объектом, которое, согласно философу, логически возможно только для бесконечного и вездесущего абсолютного бытия – Бога. Для конечного же субъекта, человека, познание в возможной для него степени предметов, «как они есть», принадлежит не вере, а разуму.

В заключение параграфа делается вывод, что Чичерин выступает сторонником «гармонии» между верой и знанием. Главной особенностью его позиции является признание им безусловного первенства знания по отношению к вере в процессе постижения трансцендентной реальности.

Во втором параграфе – «*К. П. Победоносцев о соотношении веры и знания*» – реконструируются воззрения на проблему веры и знания К. П. Победоносцева.

Под знанием Победоносцев понимает именно рациональное знание. Об этом свидетельствует как утверждаемое им положение, что без «твёрдого и основательного знания» в сознании человека «происходит невообразимое смешение мыслей и самое неестественное возбуждение фантазии, отрешённое от всякой действительности»<sup>4</sup>, так и множество высказываний, свидетельствующих о придании им исключительно высокого значения рациональному мышлению, формальной логике в различных сферах познания.

Соглашаясь с данным отцами церкви определением веры как «убеждения в истине», мыслитель, исходя из невозможности «бесконечность вселенной и начало жизни <...> вместить в логическую формулу»<sup>5</sup>, признаёт также существование «живой веры», веры как религиозного мистического опыта. При этом веру и рациональное знание в области религии он не связывает между собой жёсткой последовательностью.

Согласно Победоносцеву, истинную религию должны характеризовать необходимость и всеобщность; её предметом должно быть лишь доступное пониманию «всех и каждого». Верования не должны держаться «только привычкой и преданием», так как в этом случае в них нет разумной основы, нет рационального знания, которое могло бы проверить их. Религиозные истины, по убеждению философа, не содержат в себе ничего такого, чего человеческий разум не мог бы достичь сам по себе. Настоятельно подчёркивая роль разума в познании этих истин, Победоносцев предпочитает говорить не о религиозной вере, а о «религиозном знании».

---

<sup>4</sup> Победоносцев К. П. Духовная литература и церковная проповедь // Победоносцев К. П. «Будь твёрд и мужествен...» Ст. из еженедельника «Гражданин» 1873-1876. Письма. / под ред. В. В. Ведерникова. СПб, 2010. С. 96.

<sup>5</sup> Победоносцев К. П. Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения. С. 353.

Особенностью воззрений Победоносцева на проблему веры и знания является придание им большого значения церкви, сохраняющей в неизменном виде религиозные истины. Не будь церкви, для человека, пришедшего к вере усилиями собственного ума, существовала бы, полагает мыслитель, чрезмерная опасность возгордиться, приписав себе в этой сфере слишком многое. Помимо церкви, Победоносцев признаёт важность приобщения к религиозной истине в семье и школе.

Придавая большое значение разуму, логике в защите положений религии, Победоносцев, тем не менее, предостерегает от чрезмерной поспешности в их употреблении. Это связано, во-первых, с тем, что не всегда у верующего может оказаться достаточно знаний или интеллектуальных способностей, которые позволяли бы сразу же адекватно оценить аргументацию его противника; во-вторых, с ненадёжностью человеческой субъективности, её «неистребимой склонностью» к искажению даже самых ясных и очевидных понятий разума.

Исключительно большое значение в трудах Победоносцева отводится вопросу о взаимосвязи проблемы веры и знания со сферой нравственности. По его убеждению, основой морали является религия и потому рациональное постижение истин последней имеет первостепенное значение как для личной, так и для общественной нравственности. Но, как подчёркивает церковный деятель, интеллектуальное «усвоение» истин веры, нахождение доказательств – это не только великое благо, но и великое бремя ответа за полученное.

Признаки, которые Победоносцев считает необходимыми для веры, позволяют заключить о нём как о стороннике «гармонии» между ней и знанием; при этом главной особенностью воззрений мыслителя на проблему соотношения веры и знания является отсутствие признания между ними жёсткой хронологической и гносеологической последовательности.

В третьем параграфе – *«Вера и знание в системе философских воззрений В. Д. Кудрявцева-Платонова»* – анализируются взгляды на проблему веры и знания В. Д. Кудрявцева-Платонова.

Знание, согласно Кудрявцеву-Платонову, есть результат рационального постижения предметов, «возводящего в мысль» данные опыта. Формальную логику, на которой основана данная форма познания, богослов признаёт высшим критерием истины. Однако на рациональной ступени познания, по его мнению, мысль «имеет дело» лишь с двумя видами понятий: понятия на основе данных опыта и понятия-категории, между тем как есть ещё понятия «идеальные», выражающие «не просто свойства, но известное совершенство вещей»<sup>6</sup>. Этими понятиями выражаются такие предметы, как Бог, истина,

---

<sup>6</sup> Кудрявцев-Платонов В. Д. Начальные основания философии. М., 1891. С. 92.

добро, бесконечное и т. п. Именно они являются объектом третьей, «идеальной» ступени познания, одной из сторон которого является вера.

Вера, согласно Кудрявцеву-Платонову, составляет в «идеальном» познании его внерациональную «объективную» сторону, она выражается в непосредственном «чувствовании Бога» и предшествует его рациональному осмыслению. Философ признаёт её врождённой способностью души и характеризует как «часто тёмное, но вечно живое ощущение», свидетельствующее нашему сознанию о бытии Абсолютного и побуждающее к размышлениям о нём<sup>7</sup>. Он придаёт этому непосредственному чувству столь большое значение, что даже в решении вопроса о возникновении в уме человека идеи о Боге отдаёт ему первенство перед рассудком<sup>8</sup> и видит в нём объективный источник религии, поскольку последняя есть «взаимоотношение между Богом и человеком»<sup>9</sup>.

Вера и знание в гносеологии Кудрявцева-Платонова соотносятся как две стороны в «идеальном» познании: непосредственное чувство божества и его последующее рациональное осмысление<sup>10</sup>. При этом и первая, и второе одинаково неустранимы в познании идеи Бога<sup>11</sup>, которое, в идеале, должно состоять в «тесном соединении и живом гармоническом взаимопроникновении основанной на непосредственном чувстве веры и постепенно развивающегося на этой почве знания»<sup>12</sup>. Кудрявцев-Платонов уподобляет соотношение знания и веры неотделимости растения и его корня друг от друга. Согласно ему, как растение без корня, так знание без веры невозможно. Но и обратно, как нельзя представить корень без самого растения, так и вера немислима без знания.

Также для полнейшего уяснения взглядов мыслителя на соотношение веры и знания имеет значение его полемика против концепции веры Ф. Г. Якоби. Он отвергает понимание веры как «мистического переживания», не нуждающегося в рациональном подкреплении, поскольку вера при этом становится противоположностью объективному знанию, чисто субъективной психологической убеждённости в истинности каких-либо положений. Кудрявцев-Платонов категорически отвергает мысль Якоби, будто такое переживание способно заменить рациональное знание о предметах религиозной веры.

Кудрявцев-Платонов, как и Победоносцев, придаёт большое значение церкви как хранительнице догматов вероучения. В некоторых работах он подчёркивает, что в области религии существуют истины, право на окончательное решение вопроса о которых принадлежит исключительно

---

<sup>7</sup> Там же. С. 112-113.

<sup>8</sup> См.: Кудрявцев-Платонов В. Д. Об источнике идеи Божества. М., 1864. С. 26.

<sup>9</sup> Кудрявцев-Платонов В. Д. Религия, её сущность и происхождение. М., 1871. С. 213.

<sup>10</sup> Кудрявцев-Платонов В. Д. Начальные основания философии. С. 114.

<sup>11</sup> Там же. С. 113-114.

<sup>12</sup> Там же. С. 114.

церкви. Однако это ни в коем случае не означает, что разум не должен стремиться к поиску рациональных доказательств этих истин.

В заключение параграфа делается вывод, что В. Д. Кудрявцев-Платонов является сторонником «гармонии» между верой и знанием. Главной особенностью позиции мыслителя выступает признание им веры первичной основой постижения бесконечного и, соответственно, предшествование веры знанию в познании трансцендентных сущностей.

В четвёртом параграфе – *«Общее в трактовках соотношения религиозной веры и научного знания Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова»* – раскрываются стороны решения проблемы соотношения веры и знания, общие для всех трёх мыслителей. Констатируется, что все они предстают сторонниками «гармонии» между верой и знанием, а также анализируется решение ими тесно связанных с проблемой веры и знания вопросов, которым уделяется внимание в творчестве каждого из них – роль «гармонического» взаимоотношения веры и знания для внутренней интеллектуальной цельности личности, проблема свободы совести, критика материалистических и позитивистских концепций. В результате диссертант приходит к выводу, что решение философами данных проблем является отражением их общей приверженности подходу к соотношению религиозной веры и научного знания, состоящему в признании их «гармонии».

В **Заключении** подводятся итоги и кратко излагаются основные выводы исследования:

1. Наиболее конструктивной в условиях современности, соответствующей главнейшим интеллектуальным запросам человеческого духа, является защищаемая Б. Н. Чичериным, К. П. Победоносцевым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым позиция гармонического сосуществования религиозной веры и научного знания на основе всеобщего разума, соблюдения законов формальной логики.

2. Идейнными истоками взглядов Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова по вопросу о соотношении веры и знания выступило творчество, с одной стороны (в качестве непосредственных истоков), западных и восточно-христианских мыслителей, защищавших «гармонию» веры и знания; с другой стороны (в качестве «идейного вызова»), западноевропейских и русских философов, разделявших иные подходы к соотношению веры и знания.

3. Общим в воззрениях Б. Н. Чичерина, К. П. Победоносцева, В. Д. Кудрявцева-Платонова по проблеме соотношения веры и знания является признание ими «гармонии» между этими феноменами. Исходя из идеи о целостном познании трансцендентного бытия, сочетающем рациональное мышление и внерациональный мистический опыт,

религиозные мыслители настаивают на взаимодополнительном, а никак не «враждебном» характере взаимоотношений веры и знания.

4. Стремясь чётко разграничить понятия веры и знания, как внерациональную и рациональную формы постижения трансцендентного, Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев и В. Д. Кудрявцев-Платонов, тем не менее, полагают, что эти две формы находятся в неразрывной связи друг с другом. Общим «соединительным звеном» для той и другой является разум, логика, рациональное мышление, посредством которого достигается служащее восполнением или основой религиозного опыта познание как «земных» вещей, так и потусторонней действительности.

5. Особенностью воззрений по проблеме веры и знания у каждого из рассматриваемых мыслителей является своеобразная интерпретация ими гносеологической и временной последовательности между этими феноменами в познании. Согласно Б. Н. Чичерину вера, как внерациональный мистический опыт, необходимо имеет основу в рациональном знании о трансцендентном; для В. Д. Кудрявцева-Платонова она выступает, напротив, условием достижения такого знания; К. П. Победоносцев же отказывается от установления строгой последовательности между верой и знанием, допуская возможность их в том числе «параллельного» возникновения.

**Основное содержание диссертации** отражено в одиннадцати публикациях, из которых три опубликованы в рецензируемых научных журналах:

а) статьи в рецензируемых научных изданиях

1. Байрон, А. А. К. П. Победоносцев о проблеме веры и знания / А. А. Байрон // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – Т. 2. Философия. – № 3. – С. 88–97 (0,7 п. л.).

2. Байрон, А. А. Вера и знание в системе философских воззрений Б. Н. Чичерина / А. А. Байрон // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. – № 6. – С. 79–84 (0,5 п. л.).

3. Байрон, А. А. В. Д. Кудрявцев-Платонов о философии / А. А. Байрон // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – № 3. – С. 123-131. (0,7 п. л.).

б) другие публикации

4. Байрон, А. А. К вопросу об обосновании возможности «гармонии» между религиозной верой и научным знанием / А. А. Байрон // XXI Царскосельские чтения. Материалы междунар. науч. конф. 25–26 апр. 2017 г. – В 3 т. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. – С. 206–209 (0,3 п. л.).

5. Байрон, А. А. Преодоление затруднений при использовании противоположных понятий в речевой коммуникации / А. А. Байрон //

Гуманитарное знание в структуре высшего образования / под ред. С. Э. Зверева. – СПб.: Воен. академ. МТО, 2017. – С. 72–78 (0,4 п. л.).

6. Байрон, А. А. Обоснование христианской догматики в «Науке и религии» Б. Н. Чичерина / А. А. Байрон // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы междунар. науч. конф. 25–28 сент. 2017 г. – В 2 т. – Т. 1. – СПб.: С.-Петерб. гос. техн. ин-т (Технологич. ун-т), 2017. – С. 391–394 (0,3 п. л.).

7. Байрон, А. А. Смысл жизни и проблема веры и знания / А. А. Байрон // Смыслы жизни российской интеллигенции. Материалы междунар. науч. конф. 26 апр. 2018 г. – М.: РГГУ, 2018. – С. 350–356 (0,3 п. л.)

8. Байрон, А. А. Концепция свободы совести Б. Н. Чичерина / А. А. Байрон // XXII Царскосельские чтения. Материалы междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2018 г. – В 3 т. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 209–211 (0,3 п. л.).

9. Байрон, А. А. Проблема различия «горизонтов понимания» как препятствие успешной коммуникации преподавателей и обучающихся в высшей школе (на примере «оппозиции» веры и знания) / А. А. Байрон // Гуманитарные основы инженерного образования: методические аспекты в преподавании речеведческих дисциплин и проблемы речевого воспитания в ВУЗе. Материалы IV научно-методич. конф. 18 мая 2018 г. – СПб.: Воен. академ. МТО, 2018. – С. 3–9. – (0,3 п. л.).

10. Байрон, А. А. Вера, знание и «внутренняя гармония» личности / А. А. Байрон // XXIII Царскосельские чтения. Материалы междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2019 г. – В 3 т. – Т. 1. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 27–32 (0,3 п. л.).

11. Байрон, А. А. Союз веры и рационального мышления как основа познания трансцендентной реальности (на примере философии В. Д. Кудрявцева-Платонова) / А. А. Байрон // Религия и коммуникация. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 18–20 апр. 2019 г. – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2019. – С. 104–109. (0,4 п. л.).